

И.А. Новиков

Об управлении горнозаводской промышленностью Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: Россия, горнозаводская промышленность, Восточная Сибирь, система управления, центральные и местные органы власти.

Key words: Russia, mining and metallurgical industry, East Siberia, the system of control, the central and local government bodies.

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия, благодаря усилиям первых Романовых, предстала перед миром сильным и обширным государством, которое сделало значительные шаги по превращению его из сословно-представительной монархии в абсолютную – Российскую империю. Поручкой тому были значительные изменения в социально-экономической жизни страны (развивались товарно-денежные отношения, начал складываться всероссийский рынок, появились первые мануфактуры, возросла роль городов и городских сословий и др.). Расширила Россия к этому времени и свои связи с соседними странами, как экономические, так и культурные. Много нового появилось и в быту россиян, их материальной и духовной культуре. Все эти преобразования в жизни страны были связаны с именем Петра I, которого современники, а в дальнейшем и потомки назовут Великим.

Однако прежде чем решать «преобразовательные задачи», России необходимо было обезопасить себя от внешних опасностей. В поисках союзников в борьбе по их предотвращению ее правитель вынужден был обратить свои взоры на Европу. Ее посещение Петром I в 1697 г. оказалось для «правителя столь огромной державы» весьма полезным. Европейские страны – Бранденбург, Голландия, Англия и Австрия – представили, по выражению известного российского историка В.О. Ключевского, перед его взором, по сравнению с «Московией, шумной и дымной мастерской, заполненной машинами и кораблями» [1, с. 136].

Колоссальная разница между Европой и «Московией» понудила правителя последней к скорейшей «европеизации» своей страны. Наиглавнейшим стимулом к ней, естественно, было не только желание Петра I вывести свою страну на уровень передовых государств Западной Европы (хотя и это его стремление не следует сбрасывать со счетов), а начавшаяся Северная война, которая потребовала от России максимального напряжения всех своих сил и возможностей. В этой ситуации «преобразования» проводились Петром I решительно, быстро, а порой и даже торопливо, без должного учета отдаленных их последствий. Особо важную роль в этом процессе «европеизации» России,

безусловно, сыграло и это, вне всякого сомнения, и создание национальной промышленности.

Забегая немного вперед, отметим, в связи с этим, что рожденная в начале в XVIII в. горнозаводская (металлургическая) промышленность в Московском районе, Карелии, на Урале и Алтае до сих пор является основой развития Российского государства, в том числе и ее восточных регионов. Так, благодаря появлению металлургии на Урале и Алтае, в Сибири были заложены основы для успешного социально-экономического развития региона в дальнейшем. Но вместе со строительством железодельных заводов на местах происходило и становление системы управления ими горно-металлургической промышленностью страны в целом. И во многом это было связано со значительной удаленностью ее от центра страны и необходимостью контроля над местным горнозаводским производством.

Но, говоря о зарождении в начале XVIII в. в России крупного металлургического производства, можно утверждать, что оно родилось не на голом месте. Его основы были заложены, в частности, в Восточной Сибири еще XVII в. Первые русские поселенцы прибывают в Забайкалье, согласно первоисточникам, в начале 50-х гг. XVII в. Их появление здесь приводит к строительству в Забайкалье первых острогов: Иргенского (1653), Нерчинского (1653), Телембинского (1658), Албазинского (1665), Аргунского (1681) и др. [2, с. 51].

Появление острогов создало для сибирских властей очень много проблем: во-первых, как обеспечить их всем необходимым, во-вторых, как решить вопрос обеспечения «железом» и изделиями из него данную территорию. Причем решать эти вопросы должна была сама местная власть, поскольку московские власти в силу удаленности Забайкалья от центра страны мало чем могли помочь сибирякам. Вся надежда у забайкальцев была на поставки «провианта, оружия, припасов и всего железного» из Тобольска и Томска. И последние старались решить эти задачи, правда, не всегда вовремя, да и нерегулярно. К тому же изделия из металла и оружие, поступавшие в Забайкалье из Тобольска и Томска, были очень дорогими и, самое главное, часто низкого качества.

Потому-то перед местными воеводами в полный рост встала проблема: найти на месте возможности обеспечивать себя всем необходимым, не ожидая

«подачки» из Тобольска и Томска. Иначе говоря, необходимо было создать на месте «железодельную базу» и жить, всецело опираясь на нее.

Осознав это, местные власти заводят контакты с местными «инородцами», чтобы получить от них сведения о месторождениях руд в Забайкалье. И данный расчет оказался верным: российские землепроходцы получили от коренного населения необходимую им информацию.

Получив такого рода сведения и перепроверив их, русские поселенцы заводят в Забайкалье «свое железодельное производство». Первое из них возникло уже конце 70-х гг. XVII в. недалеко от Телембинского острога [2, с. 51]. Его «рождению» здесь способствовала помощь «мунгальского данчи Контанши», который, согласно источнику, «бил челом великому государю» в 1776 г. и «сказывал нам (сибирским воеводам. – *И.Н.*)» о том, что «сыскали де они в степи, блиска Аргуня реки серебряную и оловянную руду». И «мы посылали до тех руд людей своих и верблюды и велели те руды привести» [3, с. 54]. Сибирская администрация, Русское государство в целом было весьма заинтересовано в такой «помощи», которую оказывали местные «владельцы». И, чтобы стимулировать их «активность» в оказании воеводам таковой, центр предписывал своим «служителям» всемерно поощрять инициативу «инородцев», не забывая при этом и о награждении воевод. «А буде серебряную или золотую или медную или оловянную руду [ты – воевода] сыщешь, и мы, Великий государь, пожалуем тебя нашим жалованьем» [3, с. 54].

Воодушевленные «вниманием Государя» и правительства, воеводы не только «сыскивали всякие руды», но и пытались «завести заводы» на открытых серебряноцинковых месторождениях. Однако до начала XVIII в. все их попытки построить таковые успеха не имели. Лишь только в сентябре 1704 г. благодаря стараниям воеводы П.С. Мусина-Пушкина дал стране первое серебро Аргунский серебряноплавильный завод (впоследствии он стал называться Нерчинским серебряноплавильным заводом. – *И.Н.*). Все управление заводом находилось в то время в ведении воеводы, а сам же завод подчинялся Сибирскому приказу и Тобольского губернатора [4, л. 1–3об.].

Согласно первоначальным предписаниям, воевода должен был лично присутствовать при выплавке серебра. Но затем «это дело» стали доверять назначенному воеводой управителю завода и главному мастеру. Воевода и управитель находились в то время в Нерчинском остроге, а при «инспекторском» посещении – в Аргунском остроге. Главный же мастер, в отличие от воеводы и управителя, все лето был при заводе. Для управления им никакой специальной конторы при заводе не существовало. Не было какого-либо особого «стола» или отдела для заведывания «рудными делами» и при Нерчинской воеводской канцелярии. В силу

этого все «руководящие» предписания относительно «действия» завода давались непосредственно самим воеводой. Правда, для учета работ и «заведывания всякими припасами и инструментами» на заводе было два писца и целовальника, выполнявших функции заводской конторы. В 1713 г. для осмотра завода и тамошних месторождений руд в Нерчинск был отправлен из один из шведских пленников, «находившийся на русской службе и ведавший железодельное производство» – «рудоплавный мастер Петр Дамес», который будет впоследствии назначен управителем Нерчинского завода [5, л. 1].

В первые годы своего существования Нерчинский завод, равно как и другие, подобные ему предприятия, работал сезонно (с апреля по октябрь. – *И.Н.*), но затем он перешел на круглогодичную работу и стал центром горнозаводского производства в Восточной Сибири. Постепенно вокруг него стали группироваться старые и вновь строящиеся другие заводы: серебряноплавильные – Дучарский, Кутомарский, Шилкинский, Газимурский, Екатерининский, Талманский (Александровский) и Петровский железодельный [5, л. 1]. Большая удаленность горных предприятий от густонаселенных районов приводила к естественному дефициту рабочих рук на заводах. Чтобы ликвидировать его, центр и сибирские власти начинают с 1712 г. отправлять на Нерчинский завод ссыльнокаторжных. Опыт первых лет дал неплохие в этом плане результаты. Поэтому в 1722 г. эта практика была узаконена и даже несколько «расширена»: отныне на Нерчинский завод – «в Дауры, на серебряные заводы» стали «посылать [каторжников вместе] с женами и с детьми» [2, с. 109, 111–112]. Но наряду с рабочими испытывали «Даурские заводы» и острый недостаток в канцелярских и технических специалистах, которых, как и рабочих, изъявивших желание отправиться «на край земли», были единицы. Потому-то донесения в берг-коллегию и в «Кабинет Его Императорского Величества» постоянно содержали просьбы о присылки «в Дауры» грамотных специалистов не только в горном и заводском производстве, но и в письмоводстве. И такого рода потребность в последнем была характерна не только для первых десятилетий XVIII в., но и для второй его половины. В частности, в представленной в 1760 г. Нерчинским заводом «росписи» указывалось, что ему «потребно определить к правлению судных и земских дел конторы – главного судью и канцелярских служителей... [в общей сложности] 24 человека» [6, с. 47].

Постепенно налаживавшаяся горнозаводская промышленность в Забайкалье, на Урале, Алтае и других регионах страны требовала не только рабочей силы, «знатоков своего дела», т.е. специалистов. Нуждалась она и в управленческих кадрах. Первоначально они комплектовались, как известно, из представителей

различных слоев российского общества. Многие из них не получали на первых порах каких-либо особых прав, а порой даже не исключались из податного состояния. Это нередко ставило их в очень затруднительное положение как в глазах мастеровых, так и светских властей. В силу этого горная служба была весьма непривлекательной, особенно для дворян, так как не содействовала их быстрому продвижению по ступеням Табели о рангах. Забегая вперед, отметим, чтобы устранить этот «неприятный» для дворян «момент», потребовалось немало времени. В частности, только в 30-х гг. XIX в. завершился процесс определения места горного офицера в сословной структуре российского общества, когда будет создан институт «горных офицеров».

Но это будет гораздо позже. Пока же, в начале XVIII в., центральным руководящим органом горнозаводской промышленности России являлась берг-коллегия, созданная по образу и подобию шведской, но с русской «особостью». Именно в ее подчинение перешел в 1720 г. Нерчинский завод. Одновременно с этим в регионах начинают создаваться местные органы горнозаводского управления. Ядром его в восточных регионах России (XVIII – начала XIX в. – *И.Н.*) являлись горные начальства. Они обладали правами распорядителей и координаторов. К ним относились сначала «бергамты», а потом «горные начальства». Территория, находившаяся в их подчинении, ограничивалась в начале рамками заводов, слобод, приписанных к заводам, отводных лесов и рудников.

Всего в XVIII в. возникли восемь «горных начальств»: 1720 г. – Казанское; 1725 г. – Пермское и Нерчинское; 1736 – Томское и Кузнецкое; 1737 г. – Красноярское; 1747 г. – Кольвано-Воскресенское; 1754 г. – Оренбургское; в 1764 г. – Гороблагодатское [7, л. 74]. Следует отметить, что только пять из них: Казанское, Пермское, Нерчинское, Кольвано-Воскресенское и Гороблагодатское благополучно пережили все изменения подчиненности и просуществовали до их ликвидации и трансформации в начале XIX в. в горные округа. Кроме функциональных обязанностей горнозаводского производства, им были переданы от губернских и провинциальных властей функции сбора по оброчным статьям, рекрутские наборы и сборы лошадей для драгунских команд. К ним также поступал десятичный сбор и чрезвычайные подати с заводов. Они имели право освидетельствования причин остановки домен и вододействующего оборудования на заводах [8, л. 1, 8].

Чтобы показать «действия» такого органа управления, остановимся на деятельности одного из них – Нерчинского «бергамта (горного начальства)» – регионального органа управления горнозаводской промышленностью Забайкалья.

Как известно, до середины XVIII в. Урал считался частью Сибири, а потому заводы, имевшиеся в данном

регионе, назывались сибирскими. Местные органы управления ими создавались здесь под руководством В.Н. Татищева и В.И. Геннина. Так, 1 августа 1723 г. в строящемся Екатеринбурге был образован «Высший горный совет – Сибирский обербергamt» [9, с. 219]. По своей структуре это был сложный и разветвленный государственный аппарат управления, который решал задачи по управлению горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. В годы его деятельности были заложены основы местной системы управления горными заводами обширного региона, раскинувшегося за Уралом. Основу «обербергамта» составляла весьма разветвленная сеть «повытий» («повытье» – отделение письменных или судебных дел в суде. – *И.Н.*) и приравненных к ним подразделений, которые с течением времени могли сливаться, разделяться, трансформироваться или реорганизовываться. Деление на «повытья» происходило по функциональному принципу. В разные годы число «повытий» было разным и зависело как от делегируемых центром полномочий, так и от количества заводов и усложнением функциональных обязанностей. Среди них можно назвать счетное, горное, заводское, земское, судное, лесное, плавильное, «у крепостных дел» повытье, казенная и припасная конторы [10, с. 201–202].

В подчинении «обербергамта» находились низовые звенья – «бергамты», в том числе и Нерчинский [11, с. 136–138]. В 1732 г. на смену им пришли более крупные структурные подразделения – «экспедиции» (включали в себя несколько «повытий». – *И.Н.*) во главе с ассессорами. Всего в то время было создано три экспедиции: «горная», «заводская» и третья, без названия, имевшая самые различные функции: судебные, полицейские, финансовые, сбыт готовой продукции, надзор за приписными крестьянами [12, с. 116].

Смена главного командира горных заводов Урала В.И. Геннина на В.Н. Татищева привела и к реорганизации деятельности «обербергамта». В 1735 г. в его составе появляются «партикулярное и школьное повытье», а, кроме того, Сибирский обербергamt был преобразован в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов, а бергамты – в горные начальства. Подчиненность Екатеринбургу проявлялась в назначении управителей и руководителей Нерчинского бергамта, а также проведении ревизий подчиненного учреждения. Чаще всего это происходило в период уменьшения выплавки серебра на заводах. 19 ноября 1736 г. по решению руководителя Канцелярии Главного правления тайного советника В.Н. Татищева на Нерчинский завод был командирован – «для его осмотра и свидетельства руд и припасов» – бергмейстер Н.Г. Клеопин. Прибыв на место и обследовав «тамошные места», он пришел к выводу, что «многие из оных, по разным рудным признакам... оставить не надлежит» [11, с. 139]. Одновременно с этим он сделал и другое, не менее важное заключение

о том, что «здешние заводы в таком худом состоянии от неумутства и непрлежности управителя... иноземца Дамеса... состоят». Поэтому Н.Г. Клеопин предложил П. Дамеса от должности «отставить, а на его место отправить иного» [5, л. 1об.–2].

Говоря о назначении главных начальников на Уральские горные заводы, следует рассказать и о назначении таковых на Алтай. Эта необходимость возникла, как известно, в связи с передачей в 1747 г. Кольвано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета и учреждением новой управленческой структуры – Кольвано-Воскресенского горного начальства. Первым его главой стал «бывший председатель и командир Тульских заводов» А.В. Беэр. В последующие годы практика назначения «иностранных специалистов», преимущественно «саксонцев», на должность правителей Алтайских заводов укоренится, причем надолго. Во главе их в свое время будут стоять И.Г. Ульрих, И.С. Христиани и др. (из 17 горных (главных) начальников, служивших здесь в дореформенный период, 11 будут «лицами иностранного происхождения». – *И.Н.*) Будет присылать Екатеринбург на Алтай и «низших специалистов для присмотра за горными работами». В их числе придут на Алтай с Уральских заводов Н.П. Бахорев, И.И. Ползунов, Е. Томилов, К.Д. Фролов и др. [13, с. 113]. Эта «производственно-управленческая связь» Урала и Алтая будет продолжаться не одно десятилетие. За более чем столетнюю историю совместного существования Уральского и Алтайского горнозаводских районов (с 1747 по 1861 г. – *И.Н.*) их горными и главными начальниками станут почти одни и те же лица, т.е. первоначально они будут занимать «высокую горную должность» на Урале, а затем – после перевода – на Алтае. И таких перемещений история Урала и Алтая знает семь. Начало им положил, как известно, в 1769 г. А.А. Ирман: он был переведен на Алтай с должности начальника Камских и Гороблагодатских заводов [14, л. 73об.]. Следующим руководителем стал в 1785 г. Г.С. Качка – бывший начальник Богословских заводов [14, л. 78об.]; в 1835 г. – А.Н. Шленев (Горный начальник Екатеринбургских заводов в 1813–1824 гг.) [15, л. 25об.]; в 1838 г. – Н.А. Бергер (руководивший до этого Богословскими заводами) [15, л. 25об.]; в 1840 г. – С.П. Татаринов (в 1821–1826 гг. Горный начальник Златоустовских заводов) [15, л. 28об.]; в 1847 г. – П.П. Аносов и в 1851 г. В.А. Бекман, «правивший до этого должность Горного начальника Златоустовских заводов» [16, л. 171об.]. Заканчивая речь о «переведенцах», отметим, что все они, согласно источникам, были культурными людьми, которые заботились о процветании округа и региона в целом. При этом нельзя не отметить, что их жизнь на Алтае, по свидетельству немецкого путешественника А.Э. Брема, была «более интеллектуальной, чем в сравнимых по величине [с ними] городах» [17, с. 106–107].

Значимость каждого завода, равно как и всей горнозаводской промышленности страны в целом, во многом зависела от получаемого конечного результата. Однако в первой четверти XVIII в. производительность заводов была весьма неустойчивой. Лишь в 30-х гг. она начинает расти и достигает в 1738 г. 3-х пудов в год. После этого производительность заводов по-прежнему возрастает и достигает в 1753 г. 101 пуда [17, л. 33]. Однако участие России в Семилетней войне нарушило как хозяйственную, так и финансовую жизнь страны. Расстройство же государственного бюджета поставило перед правительством вполне естественную задачу: изыскание путей и средств для его пополнения. С этой целью одно из заседаний 1755 г. Сенат всецело посвятил вопросу, «каким... образом привести в прибыточнейшее состояние» Нерчинские заводы. Заключение и проект решения по нему было поручено сделать руководителю Монетной канцелярии статскому советнику И. Шлаттеру. Итогом этого заседания стало создание специальной комиссии и ее командирование в Нерчинск. Прибыв туда, комиссия скрупулезно обследовала местные заводы, поставив во главу угла одну лишь задачу: увеличить выплавку серебра. Ознакомившись с материалами, представленными комиссией, Сенат принимает соответствующие решения, которые должны были, по его мнению, повысить выплавку серебра на Нерчинских заводах. На решение этой задачи было направлено и принятое им, спустя год, – 26 января 1756 г. – решение, согласно которому Нерчинские сереброплавильные заводы были переданы в ведение особой Нерчинской экспедиции. В соответствии с тем указом, они перешли тогда «под смотрение» иркутского вице-губернатора генерал-майора Вулфа, которого И. Шлаттер обрисовал как надежного и рачительного руководителя, «но не столь искусного в горных и заводских делах» [18, л. 33].

Окончательная перестройка управления заводами завершилась лишь в январе 1757 г. Именно тогда была создана Канцелярия Нерчинского горного начальства, во главе которой был поставлен вновь прибывший из Екатеринбурга в Забайкалье Н.Г. Клеопин [18, л. 33]. Однако его пребывание здесь было непродолжительным. Спустя три года он уехал из Нерчинска. После отъезда Н.Г. Клеопина в 1760 г. «Нерчинская экспедиция» теряет свою «самостоятельность», а Нерчинское горное начальство переходит под управление берг-коллегии и канцелярии главного заводов правления, находившейся, как уже отмечалось выше, в Екатеринбурге. 4 сентября 1761 г. Главным командиром заводов назначается бригадир (офицерский чин в русской армии XVIII в., промежуточный между званиями «полковник» и «генерал-майор». – *И.Н.*) В.И. Суворов, а самим заводам «было велено быть под особливим ведомством Сената». Однако новый начальник не сразу прибыл в Забайкалье. Он появился здесь только в феврале 1763 г. В его отсутствие

руководство заводами осуществлял старший асессор И.П. Баннер, а «непосредственное смотрение и дирекцию над заводами имел Сибирский губернатор тайный советник Ф.И. Соймонов» [19, с. 3–5].

Прибывший в Забайкалье новый главный командир имел при себе инструкцию Сената от 7 апреля 1764 г., которая определяла круг обязанностей ее обладателя. Согласно ей полномочия В.И. Суворова были поистине «безграничными». В частности, ему предписывалось: «учредить Канцелярию Нерчинского горного начальства...» и быть при ней, по сути дела, «царем и богом». В силу этого «...губернаторам и воеводам и прочим всякого звания военным и земским управителям в горные дела... касаться [было] запрещено...». Со своей стороны, и В.И. Суворову было запрещено «...вступаться... во все дела, принадлежащие губернии...» [20, с. 188]. Словом, главный командир Нерчинских заводов получил такие же права, какие имели его коллеги – главные командиры Канцелярий главного заводов правления в Екатеринбурге и Кольвано-Воскресенских заводов в Барнауле. За двенадцать лет его пребывания в данной должности здесь были открыты все основные рудники в округе, влившиеся «в структуру Нерчинских заводов». Кроме того, нельзя не отметить и того, что Нерчинские заводы достигли в годы правления В.И. Суворова и наивысшего расцвета в своем развитии: в 1774 г. ими был достигнут пик их производительности – 630 пудов серебра в год [21, л. 2–3об.].

Немало сделал В.И. Суворов за годы своего правления и в деле переселения крестьян в Забайкалье, его освоения ими и развития сельского хозяйства в регионе. Он всячески старался способствовать заселению крестьян «на местах, наиболее выгодных для домообзаводства, скотоводства и хлебопашества» [19, с. 8]. Наряду с этим не удержался главный командир и от «преобразовательных действий»: пусть на короткое время, но он все же переименовал Нерчинские заводы в «Даурские», а Горное начальство, ими управлявшее, – в «Даурское» [6, с. 50]. Словом, назначенный лично монархом главный командир Нерчинских заводов, обладая широкими властными полномочиями в регионе, старался на деле являть собою высшее должностное лицо во всех сферах жизни горнозаводского региона Восточной Сибири. Однако сосуществование двух властных структур в лице главного командира и остальных членов Канцелярии было не всегда безоблачным. Главный командир нередко демонстрировал откровенное стремление к авторитарным методам управления, что неизбежно приводило к возникновению конфликтов между ним и членами Канцелярии. Именно в силу этого и случилось, что в середине XVIII в. несколько раз менялась структура управления и подчиненности Нерчинских заводов. И было это связано в первую очередь с особенностью производства данных заводов, а также с их удаленностью как от центральных, так и от региональных органов власти.

Проведенная Екатериной II губернская реформа преследовала устранение недостатков в деятельности местных управленческих структур и унификацию управления. Этому должно было способствовать создание единообразного административно-территориального деления страны, а также «возобладание» общегосударственных мотивов и интересов над ведомственными. В силу этих «главенствующих» мотивов и принципов канцелярии Главного правления заводов и горных начальств были в 1780–1781 гг. упразднены, а их административно-управленческие функции были переданы горным экспедициям и созданным в губерниях казенным палатам.

В связи с происшедшими изменениями 5 января 1787 г. появился указ, подписанный Екатериной II, санкционировавший передачу «Нерчинских заводов в ведомство Кабинета Ея Императорского Величества». Главной причиной данного акта стала не только специфика заводского производства в Нерчинске, но и поиск новой формы хозяйственного управления такого рода предприятиями. В соответствии с данным указом Нерчинские заводы передавались «под особое распоряжение генерал-майора М.Ф. Соймонова» и обязаны были управляться на таких же основаниях, на которых управлялись и Кольвано-Воскресенские заводы на Алтае [7, л. 84]. Вместо существовавшей до этого в Забайкалье Канцелярии была образована Горная Нерчинская экспедиция. Из-под ее юрисдикции были выведены все земские дела. Отныне экспедиция управляла «одними только горными и воинскими чинами и мастеровыми, а также всякими другими заводскими людьми». Спустя год, 10 февраля 1788 г., эти полномочия Нерчинской горной экспедиции были подтверждены в наставлении, данном правительством начальнику Нерчинского завода. В соответствии с ним ему предписывалось «исправлять все текущие дела по рудникам и заводам, а также поступившим по предложениям начальника о снабжении всех горных и заводских производств потребными припасами и деньгами» [22, с. 787].

Однако, как это часто бывает, отдаленность Нерчинских заводов, «нерадение» ответственных за производство «высоких лиц» вновь привело к «невыполнению горных и заводских работ». Как и в былые годы, опять «воспоследовали немалые упущения и затруднения, происшедшие по независимости их от заводской команды» [21, л. 4–5об.]. Столкнувшись с этим, Павел I был вынужден в 1797 г. вновь восстановить канцелярии, а управление Нерчинскими и Кольвано-Воскресенскими горными заводами изъять из ведомства «Кабинета Ея императорского величества» и снова передать берг-коллегии. Для их руководства была учреждена в соответствии с указом специальная Экспедиция Кабинетских заводов, которую возглавил А.Ф. Дерябин [23, л. 115].

Продолжением преобразовательных действий нового правителя России явились и другие реформы по «улучшению» управления всей горнозаводской промышленностью страны. Эти преобразования начала XIX в., естественно, затронули и Нерчинские заводы. Чтобы привести их «в лучшее состояние», указом от 6 марта 1800 г. управление ими было вновь возвращено «Кабинету Ея императорского величества» [24, л. 681–681об.]. Введенная в соответствии с указом, должность Главного начальника при каждом горном начальстве обязывала его приводить «в полное совершенство горное и заводское производство». Он также обязан был лично совершать осмотры заводов и рудников столько, «сколько того будет требовать необходимость, но отнюдь... не менее трех раз в год» [25, л. 582].

Говоря о правах и обязанностях, предоставленных указом Нерчинскому горному начальству, надо отметить, что они всецело повторяли все то, чем «жила и руководствовалась» в своей деятельности существовавшая на Алтае «Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства», подчинявшаяся, как и ранее, Кабинету Ея императорского величества [25, л. 582]. И сделано это было не случайно, ибо последняя накопила немалый положительный опыт в развитии горнозаводского производства. И, надо сказать, российский правитель не ошибся в выборе «эталона» для забайкальцев. Особенно проявит себя Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства в бытность ее начальником выпускника Петербургского горного училища и Фрейбергской горной академии С.П. Татарина.

Восстановив горные начальства, Павел I узаконил юридический статус их начальников – высшего слоя общества регионального значения, что позволило им играть не только значительную роль в управлении горнозаводской промышленностью того или иного региона, но и занять ведущие позиции в повседневной жизни края. Отныне горный и главный начальник и возглавляемые ими горнозаводские управления стали «независимыми», иначе говоря, они избавлялись от опеки и надзора гражданской власти. Это их право было закреплено особыми статьями Проекта Горного положения 1806 г. Объявленная центром их «независимость» будет подтверждена и в дальнейшем: она найдет свое отражение в Горных уставах 1832, 1842 и 1857 гг., что позволит горным и главным начальникам совмещать в одном лице «и администратора, и техника, и блюстителя порядка, и судью, и хозяина обширного имения» [26, с. 164]. Но несмотря даже на такое «повышение» их общественного «статуса», не все представители указанной категории горного чиновничества располагали возможностями в полной мере реализовывать свои «права» в «порученном деле». Особенно трудно было это сделать выходцам не из «дворянской среды», главным и единственным

источником существования которых являлась «горная служба». В силу этих обстоятельств данная категория «горных чинов» и не располагала, как правило, какой-либо недвижимостью. Именно поэтому «службисты» не дворянского происхождения, попав «волею судеб» в горнозаводской регион, не имели в дальнейшем возможности покинуть его, в силу чего и вынуждены они были «прожить при заводе» всю свою жизнь. Именно такие «службисты» немало сделали для того, чтобы порученное им дело не только «существовало», но и процветало.

В качестве примера такого «радения» можно привести «служение горному делу» Павла Петровича Аносова. Рано потеряв родителей, он все же смог закончить на «государственный кошт» Горный кадетский корпус. В 1817 г. юноша был направлен «практикантом» на Златоустовские заводы, где протрундился в течение 13 лет, пройдя за это время все ступени горнозаводской службы: от «шихтмейстера» (в соответствии с «Табелью о рангах», это горный чиновник 14 класса. – *И.Н.*) до генерал-майора и горного начальника заводов [27, л. 5]. С этого поста он уйдет в 1847 г. и станет главным начальником Алтайских заводов. Там он также проявит себя только с лучшей стороны. «За какую бы работу он ни брался, – свидетельствовали его современники, – она всегда спорилась в его руках... в нее он всегда вкладывал свое «Я» [28, с. 65–66]. Словом, проверяющие и современники всегда поражались необыкновенному трудолюбию и энергии Павла Петровича. С раннего утра и до поздней ночи, свидетельствовали те и другие, начальник находился на фабрике или заводе, стремясь лично дойти до «каждой детали заводского дела», при этом он поражал всех «приветливостью обращения с людьми» [28, с. 127–128]. Но наряду с такими примерами отношения к службе имели место примеры и противоположного характера, которые совсем не способствовали развитию горнозаводской промышленности в любом регионе. Но, не останавливаясь на них, подведем итоги всему вышесказанному.

Итак, на рубеже XVII–XVIII вв. в России стало зарождаться промышленное производство, основу которого составила горнорудная промышленность, развитие которой начиная с XVIII в. пошло достаточно быстрыми темпами. Это был непосредственный результат преобразований, осуществленных Петром I. Вместе с развитием промышленности стала складываться и система управления ею. На первых порах все «руководство горнозаводским производством» сосредоточилось в руках берг-коллегии.

Система управления горнозаводской промышленностью, по утверждению большинства исследователей, – это относительно устойчивый и постоянный тип административно-экономических связей с набором структурных элементов в форме отраслевых и территориальных образований как вертикальных, так

и горизонтальных уровней. По мере совершенствования старых форм управления происходило сочетание территориального и экономического управления, правда, без какой-либо фиксации в административных границах и с четко выраженной хозяйственной ориентацией, что позволяет определить модель и их структурные элементы как центральные – берг-коллегию и Кабинет его императорского величества, – так и региональные ответвления (горные начальства) как управленческие структуры мезо- и микроуровня. Каждый из этих уровней характеризовался наличием многофункциональных распорядителей. На них объективно возникали условия для формирования экономического пространства, соответствующего региону и зоне, принцип построения и механизм действия которых был основан многоуровневым делением: Берг-коллегия (Кабинет его императорского величества) – Нерчинское горное начальство – заводская контора. Каждый из этих уровней характеризовался и наличием многофункциональных распорядителей, имевших право самостоятельного контакта с иерар-

хически равными, ниже и вышестоящими не горнозаводскими органами.

Модель регионального управления горнозаводской промышленностью и горнозаводскими регионами – горные начальства – сохранялась в практической деятельности в течение века. Методы их управления во многом определялись уровнем развития общества, поэтому они являлись общими для различных органов власти – светских и духовных, казенных и частных. Чем сильнее централизовывалась и бюрократизировалась государственная система управления, тем более унифицированно она относилась к своим низовым звеньям. Кроме того, управление всегда является универсальной проблемой, внимание к которой усиливается на переломных этапах общественного развития. Анализ его специфических форм, безусловно, обогащает понимание изучаемого предмета и способствует, в конечном итоге, принятию необходимых решений в процессе развития и совершенствования современной практики регионального и федерального управления.

Библиографический список

1. Каргалов, В.В. История России с древнейших времен до 1917 года / В.В. Каргалов, Ю.С. Савельев, В.А. Федоров. – М., 1998.
2. Константинов, А.В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года) / А.В. Константинов, Н.Н. Константинова. – Чита, 2002.
3. Курлаев, Е.А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики / Е.А. Курлаев, И.Л. Манькова. – М., 2005.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 271. – Оп. 1/1. – Д. 2953.
5. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1/6. – Д. 3083.
6. Хрестоматия по истории Читинской области. – Чита, 1972.
7. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 58.
8. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 2/9.
9. Корепанов, Н.С. Уральское горное управление / Н.С. Корепанов // Уральский исторический вестник. – 1996. – №3.
10. Павленко, Н.И. Наказ шихтмейстеру В.Н. Татищева / Н.И. Павленко // Исторический архив. – 1951. – Т. 6.
11. Пензин, Э.А. Протоколы Сибирского обербергамта (1723–1734 г.г.) как исторический источник / Э.А. Пензин // Историография, источниковедение. – Свердловск, 1976.
12. Пензин, Э.А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. / Э.А. Пензин // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. – Свердловск, 1986.
13. Ведерников, В.В. Отношение Колывано-Воскресенской администрации к проблеме совершенствования технологии горного производства в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. / В.В. Ведерников // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г. – Барнаул, 2000.
14. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3451.
15. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3455.
16. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 6408.
17. Брем, А.Э. Путешествие по Алтаю. Отрывок из дневника / А.Э. Брем // Алтайский сборник. – Вып. XV. – Барнаул, 1992.
18. РГАДА. – Ф. 271. Оп. 1/1. – Д. 15.
19. Краткий исторический очерк горного производства Нерчинского округа. – Иркутск, 1891. Приложение.
20. Корепанов, Н.С. Никифор Клеопин / Н.С. Корепанов // Очерки истории Урала. Известные и неизвестные имена. – Вып. 11. – Екатеринбург, 2000.
21. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1/1. – Д. 3083.
22. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. – СПб., 1830. – Т. 22. – №16496.
23. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1/6. – Д. 3081.
24. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1/5. – Д. 2719.
25. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1/4. – Д. 2260.
26. Корельский, А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время / А. Корельский // Русская старина. – 1905. – Т. 124. – №10.
27. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 3119.
28. Генерал от металлургии Павел Аносов. – Екатеринбург, 1999.